

Вяч. И. Иванов
Собрание сочинений

ДУХОВНЫЙ ЛИК СЛАВЯНСТВА

СЛАВЯНСКАЯ МИРОВЩИНА

I.

Чем яснее уразумевается нами вселенский смысл нашего отечественного подвига, чем глубже переживается година всемирно-исторического страстного таинства, как жертва священная и соборная молитва России, — тем живее напоминает нам внутренний голос всенародной совести евангельскую заповедь: «Если ты принесешь дар свой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет нечто против тебя: оставь там дар свой перед жертвенником и пойдя прежде, помирись с братом своим, и потом приди и принеси дар свой».

И светлым уверением в правде нашей и в правом устройении народной воли нашей, на пороге представшего нам вселенского действия, прозвучало, знаменуя духовною победой первые шаги нашего воинства, внезапное благовестие об искуплении проливаемой кровью нашей братской вины перед народом польским.

Сознан был и, наконец, торжественно признан, утвержден обетом и запечатлен почином ближайший долг нашего кровного с Польшей родства... И тут припоминается мне долгое небрежение братскою взаимностью и вся ныне, даст Бог, миновавшая быль постепенного и столь медленного узнавания братом брата.

II.

Давно миновали дни, когда Мицкевич и Пушкин делились, по свидетельству нашего поэта, «и чистыми мечтами, и песнями». О чем были мечты, узнаем из того же свидетельства: «о временах грядущих, когда народы, распри позабыв, в великую семью соединятся»... Вскоре все изменилось. Рассеялось марево всечеловеческого согласия. Уже

Мицкевич, по утверждению Пушкина, пел «ненависть». Сам Пушкин обращаясь к западным витиям, возглашал с негодованием:

Оставьте нас! Вы не читали
Сии кровавые скрижали;
Вам непонятна, вам чужда
Сия семейная вражда.

Итак, воодушевление неопределенным благом семьи общечеловеческой сменил жар семейной, в прямом и тесном смысле вражды. За то и чувство племенного отчуждения, отмеченное словами: «он между нами жил, средь племени ему чужого», — уступило место чувству кровной связи враждующих. Что же лучше, что правее: отвлеченное братолюбие или братская свара?

Мне кажется, что оба великих поэта были более верны себе и говорили оба нечто более существенное, выступая каждый поборником прав своего племени. К тому же были они, в этой вспыхнувшей распре, и в большей мере славянскими певцами, чем когда благородно мирились на общей почве гуманных начал и великодушно витийствовали в духе тех самых витий, которым Пушкин бросал потом укор:

Для вас безмолвны Кремль и Прага.

В те дни западные витии отвлеченной гражданственности анафематствовали русскую государственную власть и с нею русский народ. Но давно ли эта самая власть была проникнута теми же просветительными идеями XVIII в. — и все же растерзала живую Польшу? Умозрение остается умозрением, а действительность идет своими естественными путями, когда идеи — только формы беспочвенной рассудочности о безрелигиозной морали. Вернее и правдивее голос земли и крови; но этого голоса не слышали. Что свершалось дело братоубийственное, — ни гуманистам века, ни его политикам и во сне не снилось. Не ведали они, что творили; не знали, что такое — славянство; не верили, что Польша — не только политический состав, но и живая душа.

Так само историческое мученичество Польши имеет своею основною в духе причиною именно отвлеченный взгляд (точнее не взгляд, а слепоту) на существо народности и на племенную стихию соборного тела.

III.

Конечно, русско-польская тяжба есть славянская семейная вражда и должна быть решена на общей славянской мировщине, по семейному, по кровному, по Божьему закону и прадедовскому завету. Славянам же искони на роду написаны рознь и междоусобие.

Недаром стародавние песни и былины славян изобилуют рассказами о братских ковах. И как эпически проста кровавая летопись этой семейной вражды! Триста лет назад взял грех на душу брат Лех: пошел на русского брата, чтобы не вещественно лишь но и духовно разорить его и как бы исторгнуть из него живое сердце. Он покусился на его святая святых, на его православную душу. Веса истории перекачнулись, и вот, к концу XVIII века, Россия (о, к счастью, не народ русский, не сокровенная и безмолвствующая душа его, а власть правящая и народу внеположная) совершает не покушение только, но действительное историческое преступление, которое — именно потому, что оно облеклось в осуществление и действие, — бессильно было затронуть духовную и бессмертную личность Польши, когда видимая и осязаемая плоть ее была растерзана на части.

Рассечена была плоть, как расчленяется, по древнему мифу, бог страдающий. Польская душа, как Исида, блуждает и ищет нетленные члены святого тела. Ныне оно восстанавливается «по составу своей гармонии», как говорили герметические мистики о воскрешении Осириса: воссоединится состав тела, и бог оживет. Здесь тайна и таинство, и не отвлеченному человеколюбию понять и осуществить мистерию судеб вселенских. Но недаром, мнится, совершилось, почти накануне войны, церковное прославление того, кто был поборником русской святыни в смутную годину, когда польский брат угрозил ей конечную гибелью. Не мог стерпеть святитель Гермоген, чтобы оборона правды исказилась в неправду братоотступничества и внушил воле народной евангельское слово о мире с братом перед жертвенным подвигом вселенского служения.

IV.

Так мир с Польшею представляется, в свете веры, первым шагом к победе нашей над мрачною силою, восставшею поработить, обездушить и обезбожить землю, — первым шагом и к положительному воздвижению нашего и обще-славянского мирового слова в расцветающем из этой тяжелой борьбы новом возрасте человечества. Но если само примирение славянских братьев должно иметь в этом вселенском будущем значение вселенское, оно должно совершиться не только в наружном домостроительстве семьи, но и в ее сокровенной святыне, на высотах религиозного сознания, как некогда различие именно религиозного сознания было душою семейного раскола.

Чаем в грядущем этого благодатного, богоданного, самородного замирения и соборования в Христовой вере; но чего именно и как чаем, — не ведаем сами. Знаем одно: особенно благочестивы должны быть славяне (как ап. Павел сказал об афинянах), если три просвещеннейших

славянских племени полагают всю душу свою, даже в наш век видимого всеобщего ослабления религиозных сил, каждое в своей энтелехии кафолического внутреннего опыта. Я разумею Россию, которая в церковной своей самобытности и мнимой неподвижности ревниво отстаивает девственную неприкосновенность своего подлинного неизреченного богосозерцания и как бы дыхания в Боге. Я разумею Польшу, в религиозном чувствовании которой обострена до крайней ревности энергия вселенской правды о церковности Петровой. Я разумею, наконец, Чехию, душа которой, подобно ее покровителю, святому князю Вячеславу, мученику уже X века, но равно чтимому Востоком и Западом, сочетает глубокую верность первосвятителю римскому и вселенскому, — верность, которая предохранила ее от уклона к протестанству, одним из предтеч коего несправедливо признается Гусс, — с неутолимою жаждою причастия восточно-кафолическим таинствам и как бы объемлет в своем религиозном порыве, внутри славянского мира, вместе и Польшу, и Русь, как бы не ведает, в своем молитвенном созерцании, внешнего и поверхностного разделения единой церкви между запечатленным вертоградом Востока и выявленным и раскрытым в историческом делании христианством Запада.

Как совершится эта надежда на осуществление предуготовительной формы последнего единения, о коем не устает молиться церковь, как ознаменуется и выразится внутреннее движение некоего глубинного взаимопризнания и взаимоумиления в религиозной жизни славянства и всего мира, — мы не знаем. Но Дух дышит, где хочет, и наше покорствование Духу скажется, прежде всего, в борьбе с иным духом, духом принуждения в самих сердцах наших — в обручении со свободою Христовой в самих недрах нашей воли.